
РЕЦЕНЗИИ

Л.С. Клейн

АРХЕОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ: НЕМЕЦКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПРИ ДВУХ ДИКТАТУРАХ ¹

Рецензия на сборник:

Härke H. (ed.). 2000. *Archaeology, ideology and society: The German experience.*

Peter Lang, Frankfurt a. M. et al.

(Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel, bd. 7).

L.S. Klejn. Archaeology and Ideology: German Ideology Under Two Dictatorships.

The article is a review on the collection of articles dedicated to development of archaeology in Germany in late 19th – 20th cc. (Härke H (ed.) *Archaeology, ideology and society: The German experience.* Peter Lang, Frankfurt a.M. et al. [Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel. Bd.7] 2000). Following the contents of the collection, the author analyzes concepts determining development of the German archaeology during a rather complicated period of the country's political history in the last century.

В издательстве Петер Ланг следующим томом за моей книгой о советской археологии (Klejn 1997) в той же серии вышел под редакцией Генриха Хэрке сборник «Археология, идеология и общество: немецкий опыт» (Härke 2000) с неоднократными привязками к моей книге. Думаю, что мне более чем уместно отозваться: тема родственная.

«Вряд ли может быть лучший пример взаимоотношений археологии и политики, чем Германия», – пишет (с. 12) во вводной статье «Немецкий опыт» Г. Хэрке. В самом деле, стране, пережившей в XX веке две диктатуры, две попытки внедрить тоталитарную идеологию, есть что сказать по этому вопросу.

Генрих Хэрке обладает уникальной позицией в археологии для организации такого коллективного обсуждения темы: он немец, получил высшее образование в Германии (Гёттинген) и Шотландии (Эдинбург), прошел аспирантуру

в Оксфорде и Гёттингене, с 1984 г. (т. е. с 35 лет) переселился в Британию, преподавал в Белфасте и с 1989 г. работает в Рединге (Англия). Вел раскопки в Германии, России и Англии. Он свой человек в английской археологии и не утратил связей с немецкой археологией.

Сборник делится на четыре части. В первой («От национализма к нацизму») три статьи: Ульриха Фейта из Тюбингена «Густаф Косинна и его концепция национальной археологии», Хеннинга Хассмана из Дрездена «Археология в Третьем Рейхе» и Франка Феттена из Мюнстера «Археология и антропология в Германии до 1945 г.». Вторая часть («Послевоенная Западная Германия») содержит пять статей, в основном женщин: Сабины Вольфрам из музея «Замок Шлоссгейм» «Прогресс через технику или синдром Косинны? Археологическая теория и социальный контекст в послевоенной Западной Германии», Ульрики Зоммер из Лейпцига «Преподавание археологии в Западной Германии», Мартина Шмидта из музея под открытым небом в Ёрлингхаузене «Археология и немецкая публика», а также Эвы-Марии Мертенс из Киля «Положение женщин как археологов» и трех женщин: Зигрун М. Карлиш, Зибиллы Кэстнер

¹ Эта рецензия была написана по свежим следам – сразу по приходе сборника к нам в С.-Петербург, в 2001 г. Но я тогда перенес серьезную операцию и в послеоперационном лечении, отправив рецензию, не проверил ее поступление в журнал, а она не дошла до редакции. Сейчас исправляю оплошность.

и Хельги Брандт «Женщины в подполье: гендерные исследования в немецкой археологии».

В третьей части («*Восточная Германия и Воссоединение*») всего две статьи: ветерана восточнонемецкой археологии Вернера Кобленца из Дрездена «Археология под коммунистическим контролем: Германская Демократическая Республика, 1945 – 1990» и Йорна Якобса из Ростока «Воссоединение Германии и восточнонемецкая археология».

Четвертая часть в сборнике держится несколько особняком. Ее тема – «*Международные перспективы*», и она состоит из трех статей: Джона Кинахана из Намибии «Страна Мечты Юго-Запад: два момента в истории немецких археологических изысканий в Намибии», Тома Блёмерса из Нидерландов «Рискует ли немецкая археология? Критический взгляд соседа на традицию, структуру и serendipity (привычку случайно спотыкаться об интересные открытия. – Л. К.)» и Беттины Арнольд «Трансатлантическая перспектива немецкой археологии».

В первой части содержится наиболее полный в современной литературе анализ воздействия нацизма на археологию. Для иностранного читателя здесь есть ряд интересных, даже неожиданных обстоятельств.

Оказывается, что нордическая идея не имела официального благословения в гитлеровском рейхе перед войной (я писал уже об этом в 1974 г., – Klejn 1974, – но это всё-таки мало известно) – для гитлеровского руководства нужно было сплотить немецкий народ перед войной, а не разделять его на арийцев и не-арийцев. Оказывается, Гитлер вовсе не питал симпатий к первобытной археологии Германии и был весьма склонен к классическому искусству и соответственно классической археологии, к которым Косинна был непримиримо враждебен. Первобытную археологию поддерживали и стремились эксплуатировать гитлеровские соратники Гиммлер и Розенберг. Они создали археологические центры, которые жестоко конкурировали друг с другом – «Аненэрбе СС» (Гиммлер) и «Амт Розенберг» (а на Розенберга ориентировался Ганс Рейнерт с его Рейхсбундом немецкой преистории), и эту конкуренцию использовали те археологи, которых один из этих очагов нацизма особенно притеснял, – перебежали под покровительство другого.

Хассман, который развивает эту тему, считает, что ведомство Розенберга, пропагандировавшее националистическую мистику, было более агрессивно в насаждении антинаучного

подхода, тогда как «Аненэрбе СС» («Наследие предков») в борьбе с Розенбергом способствовало более серьезным и нейтральным научным исследованиям, хотя также пыталось создать новую, нацистскую религию, новый культ. Хассман даже говорит об археологии, «свободной от идеологии», в «Аненэрбе СС». Что ж, серьезные научные исследования могли иметь место при любом спонсоре, но нейтральность вряд ли была возможна – даже при отсутствии идеологической начинки в самих работах: ведь одна лишь группировка в военизированных рядах под определенным знаменем означала поддержку этого знамени. Хассман говорит о «фаустовской сделке» и ее выгодах и невыгодах. Гёте решал этот вопрос более определенно.

Речь у Хассмана, в частности, идет о главе послевоенной школы Siedlungsarchäologie Герберте Янкуне. Его послевоенные работы, несомненно, серьезны, как и его довоенные. Однако до войны он занимал высокий пост среди археологов «Аненэрбе СС» и этим избежал интриг и преследований Рейнерта. Но он также исполнял задачи своего ведомства в оккупированных странах, преследовал норвежского археолога Брёггера за его патриотическую позицию, и трудно сказать, какую роль эти действия сыграли в аресте и отправке Брёггера в концлагерь.

В ряде статей сборника (у Хэрке, Фейта, Хассмана, Феттена, Вольфрам) говорится о Косинне. Впервые за долгое время Косинна занимает ведущее место среди фигур немецкой археологии конца XIX – начала XX века. Это справедливо и интересно. Как бы ни относиться к его наследию, оно, несомненно, сыграло важную роль в подготовке нацистской археологии и подспудно используется разными национальными школами и сейчас, а в Западной Германии повлияло на облик послевоенной археологии «от обратного» – заставило всех отшатнуться от такого прошлого (то, что Гюнтер Смолла окрестил «синдромом Косинны» – Smolla 1980).

У меня, однако, есть разногласия с авторами статей по некоторым деталям трактовки Косинны. Прежде всего, я предпочитаю переводить название его учения и школы Siedlungsarchäologie не как «settlement archaeology» («археология поселений»), а как «habitation archaeology» («археология обитания»), ибо он не изучал поселений, а изучал расселение и обитание древних народностей, а термин «Siedlung» имеет и такое значение (Klejn 1974; Клейн 2000). Вот у Янкуна этот термин использовался больше как изучение поселений – во всяком случае,

название школы и учения употреблялось у него в другом смысле, чем у Косинны.

Фейт, Феттен и Вольфрам говорят о расхождении Косинны с Вирховом. Фейт приводит отзыв Косинны о Вирхове в 1901 г. как о «самом узколомом из всех интеллектуальных тиранов и препятствии свободной науке» (с. 53). При этом в числе идейных стимулов Косинны Фейт упоминает позитивизм (мотивировка: прибегание к расовой теории, т. е. естественнонаучный подход к социальным проблемам). Феттен пишет, что Вирхов в 1874 г. утверждал: «преистория не является дисциплиной и, вероятно, не станет таковой», а Косинна (1911) объявил преисторию автономной дисциплиной (с. 163, 166). Вирхов выступал против отождествления расы с национальностью, а Косинна ввел расовую теорию в свой арсенал. Вирхов говорил об археологических «типусах» с условными наименованиями, а Косинна призвал изгнать анонимность из преисторического прошлого и определять народы. «Для Вирхова это звучало как объявление войны» (с. 171). «Различия между Вирховом и Косинной в их подходе к действенным методам и к их оценке не могли быть больше... Протагонисты обеих школ имели очень мало общего между собой» (с. 170 – 171).

Эта трактовка кажется мне весьма далекой от объективности. Злой язык Косинны известен – не пощадил и патерналистскую фигуру Вирхова. Взгляды Косинны нужно рассматривать в их динамике. Обращение Косинны к расовой теории в его собственных штудиях весьма позднее (после работ Шлица 1909 г.). В формировании взглядов Косинны позитивизм нуждается в ином обосновании. Если он и был, то скорее именно от Вирхова, который был полубогом для молодого Косинны, как показал Эггерс. Динамика рассмотрения отсутствует и в вопросе о признании или непризнании преистории (преисторической археологии) особой дисциплиной. Вирхов в 1874 г. отвергал эту идею, а Косинна в 1911 объявлял ее особой дисциплиной. К этому времени в глазах Косинны она сделала этот скачок. Да и в глазах Вирхова – уже в 1880 г. он заявлял: «Мы сделали немецкую преисторию независимой» – это цитируется у того же Феттена (с. 165).

Мне представляется, что Вирхов стоял у формирования центральноевропейской и восточноевропейской археологии рядом с Ратцелем. Ратцель исходил из географических предпосылок, Вирхов – из биологических, оба они развивали этнотерриториальный интерес. «Археологический типус» Вирхова является прото-

типом «культурной провинции» Косинны, то бишь археологической культуры. Вирхов открыл ряд конкретных археологических культур и ставил вопрос об их этническом определении. В этом смысле Косинна – его прямое продолжение (Klejn 1996).

Наоборот, преемственность между Косинной и Чайлдом представляется мне несколько преувеличенной в статьях сборника. Хэрке пишет всего лишь о влиянии Косинны на Чайлда, ссылаясь на Шеррата. А уж Фейт объявляет Чайлда, «вероятно, лучшим учеником Косинны!» Поводом служит устойчивый интерес Чайлда к проблеме происхождения индоевропейцев и к миграциям, проявившийся в двух его книгах. Но концепции этих авторов совершенно разные. У Косинны – миграционизм и в конце расовая теория, у Чайлда – диффузионизм в форме трансмиссионизма и с самого начала марксизм. Можно углядеть некоторую преемственность в использовании понятия археологической культуры, но «культурные провинции» Косинны – это (в лучшем случае) совпадающие ареалы распространения одиночных типов вещей, а культуры Чайлда – это повторяющиеся одинаковые (или схожие) сочетания вещей и обрядов в комплексах, схожие комплексы – и занимаемые ими территории. Миграции Косинны – это распространение того или иного типа. Миграции Чайлда – это продвижения культурных комплексов. Диффузия Чайлда – это и передача той или иной типичной детали вещи. У Косинны всё с северо-запада. У Чайлда всё с юго-востока. У Косинны длинная хронология, у Чайлда короткая...

Во второй части сборника ставится вопрос, издавна волнующий Генриха Хэрке: почему в немецкой археологии преобладает эмпирическое направление, а теории не пробиваются. Еще в 1980 г. Г. Смолла ответил на этот вопрос: потому что действует шок, произведенный крахом нацистской археологии и – через него – косиновской методологии. «Синдром Косинны» (Smolla 1980). В сборнике этому вопросу посвящена статья Сабины Вольфрам, проведенной несколько лет в Англии и приобретшей там вкус к теории. Она выражает ту же идею Смоллы лозунгом фирмы «Ауди»: «Прогресс через технику». Это лозунг удаления от идеологии, от теорий, от гуманитарии. Кроме того, к ответу Смоллы она добавляет наблюдение над традицией: уже в первой половине XX века господствующие позиции в немецкой археологии занимали Пауль Рейнеке и Геро фон Мерхарт, оба придерживались принципов эмпиризма. Правда,

причинами утверждения такой именно традиции в Германии Вольфрам не задается. А это интересный вопрос.

Преодоление шока Вольфрам числит с 1978 г. – со статьи Смоллы (Smolla 1978). Мою статью о Косинне она знает, но считает, что Клейну не удалось в 1974 г. произвести большое воздействие, а Смолле в 1980 – удалось. Он совершил переворот. Доказательство – появившиеся после него статьи нескольких авторов о Косинне. Конечно, взгляд мой по неизбежности субъективен, но по тем откликам, которые я имел из ГДР и ФРГ (в том числе от Э. Вале, Г. Янкуна, Р. Гахмана, Кр. Штрама, Г. Грюнерта и др.), я мог судить, что некоторое воздействие моя статья оказала (см. Клейн 2000). После нее появились и другие статьи о Косинне – прежде всего Г. Смоллы. Некоторые даже с аналогичным моему названием (Smolla 1985).

У меня вообще впечатление, что Вольфрам стремится несколько приподнять значение работ Смоллы, в чем этот интересный археолог не нуждается. Она ставит его наравне с Эггерсом в развитии теоретических идей. С фундаментальными теоретическими инновациями Эггерса она ставит рядом небольшие статьи Смоллы об аналогиях (Smolla 1964, Smolla 1990). Статьи эти вносят дополнительные интересные пункты в дискуссию об аналогиях, но погоды не делают. Было немало важных статей об аналогиях до Смоллы (Haberlandt 1912; Steward 1942; Willey 1953; Asher 1961; Binford 1967; Chang 1967 и др.), дискуссия продолжается и после его вклада. Вольфрам сетует, что в немецкой археологии разговор, поднятый Эггерсом и Смоллой, не был подхвачен, и называет это «упущенными возможностями». Право, это не так. В дискуссии об аналогиях в мировой археологической литературе были и немецкие статьи (Bergmann 1973; Fischer 1990 и др.), а что касается Эггерса, то его работы нашли продолжение и развитие в Скандинавии (статьи о внутренней критике источников) и России (я специально развивал его идеи в книге «Археологические источники» – Клейн 1978, 1995). Теоретическая литература вообще не столь уж велика, и нужно учитывать возможности обсуждения и развития поднятых идей в разных странах.

Что же касается ответа на вопрос о причинах бестеоретичности немецкой археологии, то я уже давно поставил под вопрос правомерность самого вопроса (Klejn 1993). Мне представляется, что, хотя в немецкой археологии эмпиризм

и пользуется более значительным авторитетом, чем, скажем, в английской или американской, и строго оформленные теории в ней появляются редко, теоретические направления в немецкой археологии существуют, и теоретические основы их выражаются более или менее вразумительно.

Из других статей этого раздела заслуживает внимания статья о преподавании археологии. Автор (Ульрика Зоммер) весьма критически относится к состоянию немецких (прежде всего западно-немецких) университетов и отделений археологии в них. Корни неблагополучия она видит в реформе В. Гумбольдта, которая провозгласила академические свободы и нераздельность обучения и исследования. На деле это повело к небрежению обучением и упадку преподавания. Университеты переполнены, между ними нет соревнования за студентов, преподавание рассматривается как неприятная обязанность. Патернализм профессоров, поддерживаемый государством, и непереносимое послушание остальных имеет следствием отсутствие обязательных программ и огромные пробелы в археологическом образовании, разные в разных университетах: студенты учатся только тому, чем интересуются и в чем специализируются их профессора. Обучение долгое, что само по себе неплохо, но средний возраст достижения научной степени – 37, 3 года!

Статьи, посвященные положению женщин и проблемам феминизма, производят двойственное впечатление. С одной стороны, женщины действительно занимают в немецкой археологии тем меньшую долю мест, чем места выше. С другой стороны, объективно женщины обычно самый продуктивный возраст отдают рождению и воспитанию детей и, естественно, упускают возможности продвижения по службе. Сочетание того и другого большей частью не получается, а там, где это пытаются компенсировать искусственными квотами и т.п. (как в Англии), возможен ущерб для дела. Опыты же феминистского подхода к содержанию археологии представляются мне чисто политическими акциями, делом идеологии в науке. Я думаю, что вполне возможен анализ проблемы «идеология и археология» и на этом материале.

Для российского читателя очень интересен раздел, посвященный анализу марксистской археологии ГДР и воссоединению двух Германий. Здесь центральное место занимает статья Вернера Кобленца, многолетнего директора Дрезденского музея, ученика Мерхарта. Он умер в 1995 г., не дождавшись ее выхода. Ста-

тъя эта судит о результатах 45-летнего коммунистического господства мягче, чем вышедшая в 1984 г. книга Германа Беренса (Behrens 1984) – уехавшего на Запад бывшего директора музея Галле. В частности, Кобленц обращает внимание на тот факт, что не-коммунистические руководители (в том числе Беренс и Кобленц) очень долго оставались на своих постах. Кобленц отмечает: нет сравнения со страшными результатами шестилетнего нацистского господства перед войной (с. 332).

Я побывал в ГДР в 1970 г., был гостем и Беренса и Кобленца, еще работавших на своих постах, и, по моим личным впечатлениям, режим там был более жестким, чем в тогдашнем Советском Союзе. На высказывание любого сколько-нибудь самостоятельного мнения требовалось соизволение партийных инстанций. Мой знакомый археолог из ГДР, бывавший часто в Ленинграде, говорил мне: у нас и у вас одинаково дурные законы и распоряжения, но мы, немцы, народ дисциплинированный и исполняем их неукоснительно, а вы, русские, не обращаете на них внимания – и живете сравнительно свободно. Впоследствии оказалось, что этот знакомый со столь смелыми речами был агентом штази, которое к 1980 г. имело 97 тыс. штатных сотрудников и 120 тыс. информаторов – это всего на 16 млн. человек населения республики, тогда как гестапо имело 32 тыс. человек, чтобы шпионить за 80 млн. населения (с. 30).

Я думаю, что разница между Беренсом и Кобленцем в оценках воздействия режима на археологию в ГДР объясняется тем, что первый составлял свое мнение, когда режим еще был живой и действующий, а второй – после его падения, когда восточногерманские археологи, вычищенные по идеологическим основаниям из своих рабочих мест, оказались на свободе, но без работы, замещенные большей частью их западными коллегами. У самого Кобленца его солидная директорская пенсия была срезана: он ведь был директором при коммунистическом режиме.

Это впечатление усиливается при чтении статьи Якобса о немецком Воссоединении. Я был в Западном и Восточном Берлине как раз в период воссоединения и помню ликование восточных немцев. Они ожидали, что разом на них распространятся блага, которыми пользовались западные немцы: высокие зарплаты, обилие товаров и свобода передвижения и коммуникаций. Однако западные коллеги отнеслись к восточногерманским археологам как к прислужникам тоталитарного режима и повторили

весьма точно сценарий денацификации, отработанный на археологах-нацистах. Многие восточногерманские археологические учреждения (в том числе Академия наук и институт археологии Берлинского университета Гумбольдта) были распущены, а в сохранившиеся пришли западнонемецкие управляющие и масса западных коллег на освободившиеся места. «Весси» использовали ситуацию для того, чтобы умножить рабочие места для себя. Доктора-«осси» пошли водителями такси и мелкими предпринимателями («починка электронных игрушек»).

Уровень университетского образования на Востоке не во всем уступал Западу. Соотношение преподавателей к студентам на востоке было 1:5, тогда как на Западе – 1: 22 (с. 344). Якобс поднимает вопрос и об утрате восточногерманской марксистской традиции исследования в то самое время, когда традиция теоретических исследований на Западе Германии захирела и марксистский подход популярен у американцев и англичан.

Моральное превосходство западных археологов оказывается под вопросом. Полюса частенько совпадали. Археологам старшего возраста памятен спор западногерманского археолога Иоахима Вернера с восточногерманским Отто об идеологии в археологии – о том, что Вернер назвал тогда «журнализмом». Я хорошо помню Вернера, которого у нас воспринимали не только как авторитетного археолога, но и как воителя за демократические идеалы против тоталитарных идеологов. Но Хэрке видит в обоих ученых оппортунистов, принявших идеи победителей – тех, кто оказался победителем в их регионе. А прежде оба придерживались других взглядов и другой позиции (с. 28). По схожим поводам Хэрке честно задает себе сакраментальный вопрос: а как бы я вел себя, окажись я в таком положении? Он жил тогда у самой границы, которая вскоре разделила две Германии. Мог бы оказаться и на другой стороне... (с.31).

Статья Кинахана о немецких исследованиях в Намибии, помещенная в разделе о международных перспективах, производит странное впечатление. Автор заведомо решил для себя, что наскальные изображения в Намибии были сделаны бушменами, и все исследования расценивает с точки зрения того, насколько они соответствуют этому «факту». Если подтверждают его, то это объективные исследования, если не подтверждают или выражают сомнения, – это сказываются расистские предрассудки. При самых благих намерениях автора такой подход может слу-

жить только примером внедрения идеологии в археологию. Ведь это не обязательно должна быть расисткая идеология – может быть и антирасистская.

Голландец Блёммерс делится с немецкими археологами впечатлениями доброжелательного «соседа» о немецкой традиции, нацеленной на стабильность, на избегание риска, на осторожность выводов. Он считает, что сама эта позиция сопряжена с риском утраты «добавочной ценности теорий».

Сборник замыкает статья Беттины Арнольд. Положение Арнольд схоже с положением Хэрке: она немка, прожившая свою сознательную жизнь в Америке и работающая в американской археологии. Арнольд отыскивает в американской археологии параллели с немецкой, но делает это, на мой взгляд, несколько искусственно. Эггерс действительно предвосхитил обращение Бинфорда и Шиффера к анализу источников, но сравнивать его с Уолтером Тэйлором представляется мне натяжкой. Американские проблемы

типа запрета на раскопки туземных могил не имеют массовых параллелей в европейской археологии (хотя имеют в австралийской). Больше сходств можно найти в истории – «отцы-основатели» американской археологии Макс Уле, Боас, Крёбер происходят из Германии и Австрии, и они перенесли в США много немецких археологических понятий и принципов. Американский партикуляризм Боаса чрезвычайно родственен немецкому эмпиризму. Было бы интереснее рассмотреть, как из схожих предпосылок на новой почве выросли совершенно иные традиции и чем эти новые традиции обогатили американскую археологию сравнительно с немецкой. И действительно ли обогатили – это ведь поныне отрицается многими.

В целом сборник представляет собой ценный вклад в изучение новейшей истории и современного положения немецкой археологии, а также в обсуждение злободневного вопроса о соотношении политики, идеологии и науки – археологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Клейн Л. С. 1978. Археологические источники. Ленинград, издательство Ленинградского университета, 1978, 120 с., 10 табл. и рис.
- Клейн Л. С. 1995. Археологические источники. Второе, дополненное изд. [книги 1978 г.] СПб., Фарн (в серии: Классика археологии).
- Клейн Л. С. 2000. Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет) // *Stratum plus*. №4. СПб. – Кишинев – Одесса. С. 88-140.
- Ascher R. 1961. Analogy in archaeological interpretation // *Southwestern Journal of Anthropology*, vol. 17. P. 317 – 325 (repr. in: Deetz J. (ed.). *Man's imprint from the past*. Boston, Little, Brown and C°. P. 262 – 271).
- Behrens H. 1984. Die Ur- und Frühgeschichtswissenschaft in der DDR von 1945 – 1980. Frankfurt a. M. et al. Peter Lang.
- Bergmann J. 1973. Analogieschluß und interdisziplinäre Zusammenarbeit // *Archäologische Korrespondenzblatt*, 3. S. 269 – 274.
- Binford L. R. 1967a. Smudge pits and hide smoking: The use of analogy in archaeological reasoning // *American Antiquity*, 32. P. 1 – 12 (repr. in: Deetz J. (ed.). 1971. *Man's imprint from the past*. Boston, Little, Brown and C°: 272 – 292; Binford, 1972. P. 33 – 51).
- Chang K. C. 1967. Major aspects of interrelationship of archaeology and ethnology // *Current Anthropology*, 8 (3). P. 227 – 243.
- Fischer U. 1990. Analogie und Urgeschichte // *Saeculum* (Freiburg i. Br.), 41. S. 318 – 325.
- Haberlandt A. 1912. Prähistorisch-ethnographische Parallelen. Braunschweig, F. Vieweck und Soden.
- Härke H. (ed.). 2000. *Archaeology, ideology and society: The German experience*. Peter Lang, Frankfurt a. M. et al. (Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel, bd. 7).
- Klejn L. S. 1974. Kossinna im Abstand von vierzig Jahren // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte* (Halle), Bd. 58, Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1974. S. 7 – 55.
- Klejn L. S. 1993. Is German archaeology atheoretical? Comments on Georg Kossack. Prehistoric archaeology in Germany: its history and current situation // *Norwegian Archaeological Review* (Bergen), vol. 26, 1993, no. 1. P. 49 – 54.
- Klejn L. S. 1996. History of archaeology before 1900. European archaeology // Brian M. Fagan (ed.). *The Oxford companion to archaeology*. New York – Oxford, Oxford University Press, s. v. History of archaeology. P. 286 – 287.
- Klejn L. S. 1997. Das Phänomen der Sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Übersetzt von D. Schorkowitz unter Mitwirkung von W. Kulik. Berlin, Peter Lang (Gesellschaften und Staaten im Epochenwandel, bd. 6).
- Klejn L. S. 1999. Gustaf Kossinna // Murray T. (ed.). *Encyclopedia of archaeology: The great archaeologists*. Santa Barbara, Denver, Oxford, ABC-Clio. P.233 – 246.
- Smolla G. 1964. Analogien und Polaritäten // Uslar R. V. und K. J. Narr (Hrsg.). *Studien aus Alt-Europa*. Bd. 1. Beihefte der Bonner Jahrbücher 10/1. Köln, Böhlau. S. 30 – 35.
- Smolla G. 1980. Das Kossinna-Syndrom. *Fundberichte aus Hessen*, 19/20. S.1 – 9.
- Smolla G. 1985. Gustaf Kossinna nach 50 Jahren. Kein Nachruf // *Acta Praehistorica et archaeologica*, 16/17. S. 8 – 14.
- Smolla G. 1990. Analogien und ihre Grenzen // *Saeculum*, 41 (3/4). S.326 – 331.
- Steward J. H. 1942. The Direct Historical Approach to archaeology // *American Antiquity*, vol. 7. P. 337 – 343.
- Wiley G. R. 1953. Inference and analogy in archaeology // Tax S. et al. (eds.). *An appraisal of anthropology today*. Chicago, University of Chicago Press. P. 251 – 254.